

Дарья Донцова

Жираф — гроза ПИНГВИНОВ

Следствие ведет детектив **Евлампия Романова**

Дарья Аркадьевна Донцова
Жираф – гроза пингвинов

Серия «Евлампия Романова.

Следствие ведет дилетант», книга 49

**Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59177502

*Д. А. Донцова. Жираф – гроза пингвинов: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113895-0*

Аннотация

«Если хочешь получить на день рождения много подарков и прочитать массу комплиментов, позаботься об этом сама, иначе все забудут». Так заявила Евлампии Романовой ее подруга Анечка и попросила помочь организовать сюрприз ко дню рождения свекрови, которую все зовут Мурлыся. Подарок удался на славу: роскошный пазл из шоколада в виде дворца и его обитателей. Быстренько собрав все это великолепие, женщины сели пить чай. Лампуше и Мурлысе стало жаль есть такую красоту, а вот Анята полакомилась от души и... попала в больницу! Евлампия и Макс обратились

к профессору Моисею Зильберкранцу, известному специалисту по отравляющим веществам. Тот пришел к выводу, что Аню отравили ядом улитки Конус, найденном в шоколадном презенте. Но его коллега Юрий Деревянкин настаивает, что Зильберкранц ошибся. Эту отраву получают от ящерицы зубоскала. И вскоре Моисей Абрамович кончает собой. Почему?! Самолюбивый Моня не пережил позора? На него это не похоже. Вульф и его команда начинают расследование, не подозревая, сколько еще смертей их ждет за воротами шоколадного замка!

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Глава седьмая	47
Глава восьмая	53
Глава девятая	60
Глава десятая	66
Глава одиннадцатая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дарья Донцова

Жираф – гроза пингвинов

© Донцова Д. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*** * ***

Глава первая

«Человек, который пишет всем в соцсетях исключительно гадости, никогда не утонет».

Я посмотрела на Зою, которая только что произнесла эту фразу.

– А почему он не пойдет ко дну?

Соседка радостно захихикала.

– Сама подумай. Вот у тебя как подписчики реагируют, если ты выставляешь фото в новом платье с постом: «Вчера купила, сегодня надела. Красавица»?

– Никак, – пробормотала я.

Зоя заморгала.

– Да ну? Вообще без реакции?

Наверное, следовало объяснить Яковлевой, что я редкая в нынешнее время зверушка, которая не представлена ни в одной соцсети, но я промолчала.

– У тебя, наверное, в подписчиках один муж, – ухмыльнулась Зоя, – а у меня мегапопулярный аккаунт. Посты читает сто десять человек. Есть даже иностранцы, один африканец, двое из Европы. По-русски ни бельмеса не смыслят, смайлики ставят. Я им в ответ отсмайливаюсь.

Глагол «отсмайливаюсь» привел меня в замешательство, а Зоя тараторила без умолку.

– Накнопила вчера: «Одела свои красивые сапоги». И тут

всех от зависти перекрыло. Понеслись комменты.

– Кто понесся? – не поняла я.

– Комменты, – повторила соседка.

У меня перед глазами появился телефон Яковлевой.

– Читай, – приказала она.

Я прищурилась. «Не «одела», а «надела». Аткуда только такая беССграмотность», «Тока в МАске нароТ такое купит, а у нас денег нет», «Сапоги ничаво. Ноги жуть. Такие колени надо прятать в черные колготы», «Наша клиника предлагает вам бесплатную эпиляцию правой ноги». Я потрясла головой, прочитала последнее сообщение еще раз и спросила:

– А другую лапку они в порядок не приведут?

Зоя взяла свою трубку.

– Тут возможны варианты. Вторую за свои деньги обдираешь. Или ждешь, когда у них будет акция на бесплат по левой ходуле. Но такой коммент просто реклама, к ней претензий нет. А как тебе остальные?

Я сообразила, что таинственное слово «коммент» является сокращенным от «комментарий», и высказала свое мнение:

– Зачем писать кому-то, что у него некрасивые части тела? На мой взгляд, у тебя прекрасные сапоги и колени в порядке. Если не ошибаюсь, в соцсетях можно выгнать агрессивных пользователей.

– Блокировать, – кивнула Зоя.

– Вот и заблокируй их, – посоветовала я.

– Не хочу, – буркнула соседка.

– Почему? – удивилась я. – Неужели приятно видеть гадкие сообщения в свой адрес?

– Не очень-то, – призналась Яковлева. – Баба, которая меня деньгами попрекнула, на бедность пожаловалась, сама постоянно в новых шмотках красуется. Странно, что аккаунт не закрыла. Она, как правило, пишет: «Москвичи грабят страну, а у нас денег нет». Или: «Зажралась совсем, отдай лучше свои миллионы больным детям».

– Что тебе мешает избавиться от нее? – не поняла я.

Зоя отвела взгляд в сторону.

– Хочу зарабатывать на рекламе. Агентства же изучают пользователей на предмет популярности. Если в ленте много комментов, все равно каких, значит, этот пользователь людям интересен. Поэтому звезды никогда не чистят свои ленты. Понимаешь?

Я кивнула, хотя на самом деле не сообразила, о чем вещает Яковлева. Какая реклама? Чья? Где? Почему надо терпеть оскорбительные замечания?

Помолчав пару секунд, я решила, наконец, узнать, с какой целью ко мне заявила соседка.

– Нам надо отремонтировать подъезд, – отрезала Зоя.

Я испугалась.

– Зачем?

Яковлева с интересом посмотрела на меня.

– Лампа, ты мастер великих вопросов. Для обновления помещения. Заходила в третий дом?

– Нет, у меня приятелей там нет, – объяснила я.

Зоя закатила глаза.

– Неужели тебе не интересно, что у них в подъезде?

– Нет, – честно ответила я, – как живут, так и живут.

– У тебя начисто отсутствуют активная позиция, гражданское самосознание, ответственность за тех, кто рядом, и политическая адекватность, – отрезала Яковлева. – В окно давно смотрела?

Я абсолютно не понимала причину визита соседки в неурочный час, в полдень, очень хотела побыстрее избавиться от нее, поэтому живо ответила:

– Редко у подоконника тоскую, – и хотела соврать, что мне пора на работу, но не успела.

Зоя вскочила и направилась к окну.

– Иди сюда!

Я приблизилась к соседке.

– Видишь транспарант? – поинтересовалась Яковлева. – На спортивной площадке.

– Да, – пробормотала я и прочитала: – «Четвертый дом сделает свой подъезд наикрутейшим в нашем жилищном комплексе».

– Мы станем лучшими! – возвестила Зоя. – Ты согласна? Если да, то подпишись под решением комитета. Если нет, я подробненько объясню тебе, почему надо превзойти третье

парадное в плане дизайна.

– Да, да, да, – зачастила я, решив не уточнять, о каком таком комитете идет речь.

– Ни секунды не сомневалась в твоём незаурядном уме и потрясающей сообразительности, – похвалила меня Зоя и двинулась к двери.

Я поторопилась за ней. Слава богу, Яковлева не села чайку попить, она сейчас уйдет!

Соседка обернулась.

– Совсем забыла!

Улыбка на моем лице застыла. Надеюсь, Зоя не вернется в нашу столовую и не усядется там до скончания века.

– Зайди в третий дом, изучи их якобы шикарнейший вестибюль, – отчеканила Яковлева, – и предложи свой вариант отделки нашего. Мы собираем проекты со всех квартир.

– «Мы» это кто? – непонятно зачем поинтересовалась я.

Зоя вскинула голову.

– Комитет по созданию нового облика первого этажа. Председателя ты видишь перед собой.

– А кто в составе? – любопытствовала я.

Зоя отвела взгляд.

– Какая разница! Очень уж ты много говоришь. А у меня дел выше макушки. Все, я побежала!

Когда Яковлева исчезла за дверью, я испытала прилив детской радости и поспешила в столовую. Сейчас выпью кофе, а потом...

И тут раздался звонок в дверь. В голове молнией пронеслась мысль: Зоя вернулась, не надо открывать. Я затаилась, но Яковлева не собиралась сдаваться, она не отрывала палец от кнопки переговорного устройства. Наши мопсихи, Фира и Муся, принялись отчаянно лаять. И вдобавок затрезвонил телефон, на этот вызов я ответила сразу, потому что на экране высветился номер моей подруги Ани Славиной.

– Да, – прошептала я.

– Ты где? – спросила Ньюша.

– Дома, – ответила я.

– Почему дверь не открываешь, я звоню целый час, – заявила Славина.

Я бросилась в прихожую и распахнула дверь.

– Извини, думала, что вернулась соседка, весьма надоедливая особа.

– Не, это я, но тоже надоедливая, – засмеялась Аня. – Ты очень занята?

– У меня сегодня выходной, – призналась я.

– Есть особые планы? – поинтересовалась Ньюша.

– Хотела разобрать в своей гардеробной бельишко, – пояснила я, – сложить все стопочками, аккуратненько.

– Шикарная идея, – одобрила Славина. – Теперь ответь: вот навела ты марафет на полках, что любо-дорого посмотреть. Чулки-носочки в мешочки поместила, трусики, лифчики красиво сложила... Надолго так останется?

Я вздохнула.

– Нет. Первое время я попытаюсь сохранить статус-кво, не поленюсь поддерживать порядок. А потом...

Я махнула рукой. Нюша рассмеялась.

– Не услышишь будильник, вскочишь за пятнадцать минут до выхода из дома, примешься метаться по квартире, в шкафу все перероешь, пока нужное отыщешь, и умчишься. Вечером вернешься, запихнешь назад то, что утром кулем вывалила на пол. А в голове бьется мысль: «Потом разберу». Так?

– Да. Откуда ты знаешь? – удивилась я.

Нюша похлопала себя ладонью по груди.

– Сама такая. Кое в чем мы просто сестры, но кое в чем нет. У меня в гардеробной два отделения. В одном вещи, которые я сейчас ношу, а в другом те, что непременно надену, если похудею. Да только они так и состарятся на вешалках. Вот тебе повезло, нет ни грамма жира. Собирайся, поехали.

– Куда? – спросила я.

– Я приготовила Мурлысе подарок, – воскликнула Нюша, – у нее во вторник день рождения.

Меня ущипнула совесть.

– Ой, совсем забыла.

– А, – махнула рукой Аня, – ты никогда про день рождения Музы Алексеевны не помнишь. Всегда ее последней поздравляешь.

– Верно, – приуныла я, – некрасиво получается. Спасибо, что ты эсэмэску присылаешь, просишь: «Напиши мамуле хо-

рошие слова».

– Если хочешь получить на день рождения много подарков и прочитать массу комплиментов, то об этом надо заранее самой позаботиться, а то все забудут, – закивала Славина.

– Ты помнишь про чужие даты без напоминаний, – вздохнула я.

Нюша продолжила:

– У Музы вот-вот юбилей. Я придумала ей мегасюрприз! Но одну деталь не учла. Надо примерку сделать. Поможешь?

– Конечно, – согласилась я, не понимая, чего от меня хотят.

– Поехали к нам в Опилово, – заликовала Нюша. – Лампуша, я ни на секунду не сомневалась, что ты не откажешься.

Глава вторая

С Аней я познакомилась на собственной свадьбе. Ее муж Витя был шафером Макса. Витюша появился на свет в очень обеспеченной семье. Его отец, Евгений Николаевич, женился на юной Музе Алексеевне, уже став главным лицом одной из самых популярных радиостанций, членом Союза композиторов. Злые языки шептали, что интеллигентный Женя, который всегда морщился, если кто-то в его присутствии упоминал даже самое невинное бранное слово, типа «идиот», на самом деле отнюдь не белый пушистый зайчик, а мерзкий аллигатор с остро заточенными зубами. Только от Евгения зависело, пойдет ли та или иная песня в эфир, станет ли ее исполнитель известным и, вследствие популярности, обеспеченным или сгинет во тьме безденежья. Да, конечно, при радиостанции тогда существовал художественный совет, который давал тому или иному певцу зеленый свет. Но главный редактор всегда мог притормозить чью-то карьеру или, наоборот, поднять шлагбаум. Поговаривали, что мелодии улыбчивого Женечки на самом деле написаны разными людьми. Если хочешь, чтобы твои опусы звучали из всех приемников СССР, то принеси одну партитуру в просторный кабинет и напиши сверху: «Песня о любви». Слова Иванова, музыка Славина. Денег самодержец радиостанции ни от певцов, ни от композиторов никогда не брал. Песня,

присвоенная Евгением, потом крутилась в эфире, авторские отчисления капали на его сберкнижку. Но ведь их получает не только композитор, но и поэт. Тот, кто щедро поделился нотами, быстро становился известным, любимым советскими людьми автором. Все были довольны и поэтому помалкивали. Являлись ли гадкие слухи правдой или их распускали злые языки тех, кого Евгений никогда не допускал в студию? Точного ответа на этот вопрос нет. Есть множество песен, музыку к которым написал Славин. И точка.

После смерти мужа вдова ни секунды не бедствовала, ей достались просторная квартира в Москве, прекрасная дача, машина, туго набитая сберкнижка и авторские отчисления от творчества мужа. Но Муза Алексеевна никогда не сидела на шее у супруга, она работала стоматологом, всегда имела «левых» клиентов и денежки в кошельке.

Даже когда все накопления в сберкассе «сгорели» в огне перестройки, Муза не зарыдала. Она ушла из ведомственной поликлиники, посоветовалась кое с кем из своих постоянных пациентов и открыла свою лечебницу.

Витя, который плохо помнил отца, поступил в университет; он не пошел по стопам матери, окончил экономический факультет. Друг Макса в юные годы торговал в подворотнях импортными вещами, а потом стал серьезным бизнесменом. У Вити несколько заводов, только не спрашивайте, чем он занимается, я не в курсе. Славины всегда жили богато, но они не нувориши, их деньги не быют посторонним в глаза.

Музу Алексеевну близкие зовут Мурлыня, Мура, Мурлыся. Откуда такое прозвище? Много лет назад госпожа Славина решила нанять новую домработницу. Знакомые посоветовали ей девушку из провинции. Туся пришла в дом, поговорила с хозяйкой и понравилась ей. Во время беседы из коридора раздался голос Вити:

– Муся! Муся!

Потом парень вошел в гостиную и повторил:

– Муся!

– Ой, у вас мурлыня живет! – обрадовалась Наташа.

Витя вытаращил глаза, а Муза Алексеевна уточнила:

– Мурлыней вы называете кошку? Не любите животных?

– Что вы! – возразила кандидатка на роль горничной. – Я их обожаю, у моей мамочки дома кошечка, звать, как вашу, Муся.

Витя, стараясь не расхохотаться, выбежал в коридор.

Через месяц Туся, которую взяли на службу, вновь отличилась.

– Ой-ой, – закричала она, вбегая в гостиную, – Муза Алексеевна, на пороге дома такая сидит! На вас прямо один в один похожа.

Хозяйка вышла на крыльцо и увидела трясущегося от холода грязного, тощего котенка. В семье Славинах никогда не было четверолапых питомцев. Но сердце Музы дрогнуло. Несчастное создание отвезли к ветеринару, потом пустили в дом. А Витя стал именовать маму Мурлыня, Муркис, Мура,

Мурлыся...

С той поры представители мышеловов постоянно обитают у Славиных стаями. Сейчас у Музы Алексеевны три британки и один мейн-кун. Аню Славина взяла под свою опеку после смерти ее родителей. Малышке тогда исполнилось то ли пять, то ли шесть лет. Никаких подробностей, почему она стала сиротой, я не знаю. Нюша никогда не поднимает эту тему в наших разговорах, а я не лезу в сапогах ей в душу. Знаю лишь, что Витя полюбил Анечку, а та ответила ему взаимностью. Мурлыня как-то раз сказала:

– Вот мне повезло! Сама себе невестку воспитала!

Когда мы въехали во двор, подруга приложила палец к губам.

– Тсс! Пошли тихо, не хочу, чтобы мама раньше времени увидела подарок, тогда сюрприз не получится.

Мы благополучно миновали двухэтажный флигель, в котором живет Муза Алексеевна, вошли в так называемый большой дом, и Аня выдохнула.

– Ура! Пробрались тайком! Нас никто сейчас не увидит.

– Кроме тех, кто у тебя работает, – возразила я.

– Их немного, – сказала подруга, – и они не разболтают секрет. Двигаем в гостиную, надо порепетировать.

Я вошла в большую комнату.

– У мамуски день рождения, – еще раз напомнила Аня. – Витя до противности традиционен, нет у него фантазии. Решил подарить Мурлысе колъе.

– Прекрасная идея, – одобрила я, – большинству женщин традиция получать на праздник драгоценности очень нравится. Многие приходят в восторг от простой золотой цепочки. Но что-то мне подсказывает, что Витя приобрел украшение подороже.

Аня подтвердила:

– Ты не ошиблась. В оправе такие изумруды! Булыжники. Виктор не понимает, что мамусик равнодушна ко всему сверкающему. Она обожает приколы, сюрпризы. Если ее рано утром разбудит пингвин и споет песню про день рождения, вот тут Муркис в восторг придет.

– Почему именно пингвин? Муза обожает кошек, – удивилась я.

– У нас традиция, – зашептала Аня, – мы всегда в день рождения поздравляем маму от лица пингвинов. Потом объясню, почему так поступаем. В этом году я решила усилить эффект.

– Не уверена, что твой муж одобрит приглашение аниматора, – заметила я, – он терпеть не может посторонних в доме.

Аня рассмеялась.

– Никаких чужаков. Роль пингвина твоя!

– Моя? – опешила я.

– Ну да, – кивнула Аня, – сценарий такой. Ты незаметно приезжаешь к нам вечером, ночуешь. Утром напяливаешь костюм пингвина, топаешь в спальню мамульки, исполняешь

арию.

Я замахала руками.

– Ньюша, я готова выполнить любую твою просьбу. Но на вокализы не способна.

– Почему? – удивилась подруга. – Ты же училась в консерватории.

– Верно, – подтвердила я, – но я готовилась стать арфисткой.

– И что? – заморгала Анечка.

– Я женщина со сломанным звуковоспроизводящим устройством, – объяснила я, – со слухом у меня полный порядок, он идеальный. А вот с пением... В музыкальной школе у нас участие в хоре считалось обязательным. Но руководитель коллектива, Лев Иосифович, выгнал девочку Романову со словами:

– Мои уши от звуков, которые ты издаешь, покрываются шерстью. Они пытаются таким образом защитить себя от твоих песнопений.

В конце учебного года нашему классу предстояло исполнить несколько композиций для комиссии из РОНО¹. Участвовать должны были все дети; тех, кто не придет, обещали отчислить из музыкалки. Лев Иосифович страшно занервничал, он поставил меня в последний ряд с краю и зашипел:

¹ РОНО – районный отдел народного образования. Так раньше называлась структура, в подчинении которой находились школы того или иного района города.

– Романова, умоляю! Просто открывай рот, упаси бог тебе хоть один звук издать. Если Натан Абрамович, председатель комиссии, услышит твоё исполнение, он заскрипит зубами и сломает коронки. Всем тогда несдобровать: ни мне, ни директору.

Мне очень хотелось посмотреть, как незнакомый мужчина сломает свои клыки, но я вела себя, как рыба.

Аня рассмеялась.

– Я думала, раз твоё мама певица, то и ты умеешь разливаться соловьём.

– Папа мой имел учёные звания и генеральские погоны, – продолжила я, – до сих пор понятия не имею, чем он занимался, но определённо отлично знал математику и физику. Однако я, его дочь, в точных науках полный профан.

И тут в комнату вошла Муза Алексеевна.

– Тсс, не выдавай тайну, – прошептала Аня.

Глава третья

– Лампуша! – обрадовалась Муза. – Рада тебя видеть.

– Добрый день, Мурлыся, – улыбнулась я.

Свекровь Ани всплеснула руками.

– Ты же не видела Полечку?

Муза Алексеевна убежала.

– Кто такая Полина? – спросила я.

Аня открыла рот, но в ту же секунду мать Вити вернулась, в руках она держала плюшевую кошку. Муза поставила ее на стол и пропела:

– Как меня зовут?

– Как меня зовут? – раздалось в ответ.

– Она повторюшка! – захлопала в ладоши Муза.

– Повторюшка, – мигом произнесла кисонька, потом слышался звук хлопков.

Муза засмеялась.

– Полина чудесная, правда?

Я кивнула. У нас дома у Кисы есть похожая игрушка. Но сейчас девочка уже школьница, у нее другие интересы.

Мурлыня погладила кошку и поставила ее на комод.

– Сюрприз к чаю! – крикнула из кухни Аня и вошла в столовую с коробкой. – Вон чего я купила! Очень понравился. Настоящий шоколад! Без каких либо добавок, «ешек», ГМО и прочего.

Я посмотрела на крышку и удивилась:

– Ньюша, ты уверена, что содержимое съедобно?

– Конечно, – кивнула Аня.

– Но тут нарисован домик, – возразила я, – и написано: «Собери замок».

Подруга открыла коробку.

– Шоколадный пазл! – восхитилась я. – Правда, во времена моего детства говорили: «сборная модель». Но я никогда подобных в продаже не видела, ни в прежние годы, ни сейчас.

Аня наклонилась над коробкой.

– Мне исполнилось, наверное, лет двенадцать, когда я пришла в гости к однокласснице. Не знаю, чем ее родители занимались, но у них была огромная квартира. Вот там я и увидела такой замок, вокруг рыцари, дракон, принцесса, гномы. Девочка объяснила, что все сделано из шоколада, папе прислали в подарок. Я пришла в неопишуемый восторг, надеялась, что мне предложат попробовать, но хозяйка меня не угостила. А теперь представьте мою реакцию, когда вчера я заглянула в фирменный магазин кондитерской фабрики, а там! Точь-в-точь такой дворец! Прямо привет из детства! Я спросила у продавщицы:

– Можно купить этот набор?

Она ответила:

– Они под заказ. Но покупательница не пришла. Ей следовало коробку еще утром забрать, но не позвонила, не пре-

дупредила, что опоздает. Забирайте!

– Давайте сложим пазл? К нему прилагаются одноразовые перчатки, в пальцах шоколад растает, – предложила нам Аня.

– Нет! – вдруг воскликнула Муза Алексеевна. – Не берите их.

Я уже потянулась к пакетику с перчатками и удивилась:

– Почему?

– Очень тонкие, – объяснила Муза, – сейчас дам такие, что не порвутся. Ньюшенька, а как звали вашу подружку?

– Лариса, – ответила Аня, – у нее была редкая фамилия. В переводе с английского она означала «ждать». Ларка везде всегда опаздывала. Когда ее упрекали, она отвечала:

– Меня надо ждать, об этом даже моя фамилия говорит.

Анечка засмеялась.

– Я английский вообще не знаю, в школе учила французский через пень-колоду. Не могу вспомнить фамилию Ларки, а то, что она означает, не забыла. Бедная Ларуська.

– Судя по тому, что ты о ней рассказала, несчастной девочку не назовешь, – улыбнулась я, взяв у Мурлыки перчатки, – она не бедствовала.

– Жила их семья богато, – согласилась Аня, – из-за этого и случилась беда. К ним в квартиру влезли грабители, унесли все ценности, а хозяев убили. Вроде так. Училки в школе сплетничали, говорили разное: застрелили, отравили!

– Ужас! – воскликнула Мурлыня.

– Кошмар, – согласилась Аня, – а для меня это был мощный стресс. С Ларкой я с первого класса за одной партой сидела. И вдруг! Она мертва. Весь класс на похороны пришел.

Нюша передернулась.

– Жуть жуткая. Три гроба: отец, мать и дочь. Какие-то родственники или знакомые рыдали. А мы, ученики, были в шоке. Дети редко о смерти думают, считают, что будут жить вечно. «Все умрут, а я нет». Мне плохо от переживаний стало, я в обморок упала.

– Нашли злодеев? – поинтересовалась Мурлыня.

– Не знаю, – вздохнула Нюша, – нам ничего не сообщили. Я до конца школы потом сидела одна за партой, некомфортно себя чувствовала, постоянно Лару вспоминала.

– Ты мне никогда эту историю не рассказывала, – удивилась я.

– Много лет прошло, – пояснила Аня, – все забылось. А тут увидела шоколадный замок, и снова нахлынуло. Уж простите меня, настроение вам испортила.

– Конец восьмидесятых – начало девяностых мрачные годы, – поморщилась Мурлыня, – некоторые люди так менялись, что оторопь брала. У Вити был приятель Анатолий. Милый юноша, стеснительный, при виде мало-мальски симпатичной девушки покрывался красными пятнами, заикался. У Толи из родни была только бабушка, денег в семье пшик, он к нам прибегал поесть. Почти каждый день заглядывал, потом исчез. Спустя пару лет я столкнулась с ним

в одном из первых супермаркетов. С трудом узнала парня, он потолстел, вызываясь дорого оделся и, что меня весьма удивило, носил часы на правом и на левом запястьях. Естественно, я поздоровалась, Толя свысока кивнул и отвернулся. Стало понятно: он совсем не рад нашей встрече. Около парня топталась молодая особа в мини-юбке и кофте с большим вырезом. На личике тонна косметики, на голове кудри. Она довольно громко спросила:

– Че за баба к тебе пристала?

– Мамашка случайного приятеля, – процедил Толя, – небось денег ей надо, забудь.

Мурлыня посмотрела на нас.

– Через некоторое время совершенно случайно выяснилось, что Толя стал бандитом, его убили. Вот вам и скромный мальчик, который смущался при виде девочки.

– В то время со многими метаморфозы происходили, – заметила я.

– В любые времена люди меняются, – возразила Мурлыня, – кто в лучшую, кто в худшую сторону. Но когда в стране стабильная жизнь, ты замечаешь лишь преобразование тех, кто рядом. Если же в стране начинается заварушка, тогда масса народа модифицируется, возникает водораздел. На одном берегу красные, на другом белые, честные и бандиты, добрые и злые, милосердные и жестокие, жертвы и убийцы. О! Мы замок сложили! Это нетрудно, быстро справились.

Аня схватила одну фигурку.

– Хватит нам философствовать, лучше чаю попить. С шоколадом.

– Не могу откусить от этой красоты, – призналась Мурлыня.

– Она предназначена для еды, угостись гномом! – улыбнулась Ньюша.

– Ой, нет, – испугалась свекровь, – не могу его жизни лишить.

– Он же не живой, – засмеялась Аня, схватила фигурку и отправила в рот. – Ам – и нету. М-м-м, замечательно! Внутри сиропчик, типа жидкий шоколад. Попробуй, вкусней твоей французской плитки.

Последняя фраза адресовалась мне.

– Ну... я солидарна с Мурлыней, – пробормотала я, – замок ломать не хочется. А лопать его обитателей как-то неэтично!

– Лампуша, вы с мамулей два сапога пара, – восхитилась Ньюша. – Добрым никогда вкусное не достанется. Там такой сиропчик! Вкуснее ничего не ела. А я жестокая, сейчас еще и принцессу схомячу. Кстати, о дочери короля! Твоей Кисе съедобный дворец очень понравится. Запиши адрес магазина.

Я знала, что Ньюша ошибается. Когда Кисуле исполнилось лет пять, Макс купил ей шоколадного мишку. Девочка разрыдалась: «Никогда его не съем! Пусть на полке стоит». После этого случая Кисуле более не дарят мармелад, шоколад

и пряники в виде животных. Но Ньюшу обижать не хочется, поэтому я достала телефон и изобразила радость.

– Спасибо! Диктуй.

Глава четвертая

На следующий день меня разбудил звонок.

– Ты где? – спросил муж.

Я села и честно ответила:

– В кровати. А который час?

– Одиннадцать, – донеслось из трубки.

Я подпрыгнула.

– Боже! Почему будильник не прозвенел? Собаки! Им надо гулять и есть!

– Сколько тебе собираться? – остановил меня муж.

Я потрясла головой.

– Ну... минут тридцать.

– Ускорься, – попросил Макс, – мы ждем.

Я хотела уточнить кто это «мы», но Вульф отсоединился. Я схватила халат и выбежала в столовую. В зоне кухни у плиты напевала какую-то песенку Краузе.

– Роза Леопольдовна! – воскликнула я.

Няня уронила ложку и обернулась.

– Лампа! Вы дома?

– Проспала все на свете, – призналась я.

– Вот почему мопсик написал в прихожей, а теперь жалобно смотрят на мир голодными глазами, – сообразила няня, она же домработница.

– Я не вышла с собаками в положенное время, не покор-

мила их, – расстроилась я.

– Все поправимо, – оптимистично заметила Роза, – один раз меня в парикмахерской покрасили в зеленый цвет. Спутали какие-то тюбики.

– Безобразие! – возмутилась я.

– Я тоже сначала так подумала, – ответила Краузе, – а через день познакомилась с художником, и он объяснил, что его привлекли мои волосы цвета перьев лука, мужчина решил, что их обладательница не обычная женщина, и потерял голову. Ах! Какие три года мы провели вместе!

Краузе мечтательно закатила глаза.

– Не волнуйтесь. Все плохое, что с нами случается, ведет к лучшему. Сейчас выгуляю собак, покормлю их. Только оденусь по-уличному. Присмотрите, пожалуйста, за кашей, а то сбежит.

Роза Леопольдовна ушла.

Я подошла к плите и задумалась. «Одеться по-уличному» вовсе не означает, что няня просто сменит тапочки на туфли и накинёт в случае дождя плащ с капюшоном. Выход из дома, пусть даже и на променад с псами или к мусорному баку, требует у Краузе длительной подготовки. Сначала Роза Леопольдовна переоденется в красивое платье, подчеркнет ремнем отсутствие талии, затем соорудит с помощью щипцов прическу, которая будет прекрасно смотреться спереди и на макушке. Затылок же останется нетронутым. Но как говорит няня: «Я не вижу, какой хаос творится на заднем дво-

ре моей головы, значит, беспорядка там нет». После того как локоны закудрявятся, наступит очередь макияжа: тональный крем, тени для век, карандаш, чтобы очертить брови, тушь, жидкие румяна, корректор, пудра, помада. Неприлично же идти к баку с отходами с «раздетой» мордочкой. Кроме того, образ надо освежить серьгами, бусами, браслетом. Ну, и капелькой духов.

Мои мысли прервало шипение. Каша! Я взглянула на плиту и ахнула. Из кастрюльки вылезло и разлилось почти все содержимое. Я повернула ручку, конфорка погасла. Поздно! Геркулеса в посуде осталось на доньшке. Если Роза Леопольдовна увидит, что я не уследила за кашей, она будет мне напоминать про оплошность этак следующие лет сто. Краузе терпеть не может, когда гибнет еда. Пару лет назад я на глазах у нее вылила суп, который не захотела есть. Не помню, сколько времени прошло, но няня при каждом удобном и неудобном случае теперь ворчит:

– Куриный бульончик, который вы уничтожили, был лучше того, что сейчас в холодильник поставили.

Я опять обозрела эмалированную поверхность, мыть ее ни малейшего желания нет. И тут мне в голову пришла замечательная мысль.

Я сняла с конфорок решетку, схватила Фиру, мирно спавшую в лежаке, и поставила ее на плиту.

– Дорогая, хочешь каши?

Мопсика радостно завиляла хвостом и заработала язы-

ком. Снизу послышался недовольный лай. Я наклонилась и подняла Мусю.

– Дорогая, присоединяйся.

И тут снова затрезвонил телефон.

– Ты выехала? – осведомился Макс.

– Бегу в гараж, – ответила я и помчалась в гардеробную.

Путь до офиса занял минут тридцать, я влетела в кабинет мужа, увидела в кресле Витю Славина и обрадовалась.

– Привет! Как дела?

– Да так, – буркнул Виктор.

Меня охватила тревога.

– Что случилось?

– Аня в больнице, – коротко пояснил Виктор.

– Что с ней? – испугалась я.

– Когда врачи жену забирали, то не сомневались в диагнозе: гипертонический криз, – мрачно объяснил Славин, – но в клинике заподозрили отравление.

– И оказались правы, – добавил Вульф.

– Начали меня вежливо расспрашивать: «У супруги была депрессия? – продолжил Виктор. – Какие-то психологические проблемы?»

Я упала в кресло.

– Ньюша не из тех людей, которые способны совершить суицид. Назовите хоть одну причину для ее добровольного ухода из жизни! Вчера я ездила с ней в Опилово.

– Не знал, что ты к нам в гости прикатывала, – удивился

Витя.

– Обычно мы встречаемся для того, чтобы просто пообщаться, – пояснила я, – но вчера Аня хотела обсудить сюрприз для Мурлыни на день рождения. Я ей понадобилась в качестве помощника. У твоей жены было прекрасное настроение, она ни на что не жаловалась, ела шоколад.

– Какой? – тут же поинтересовался Макс.

Я рассказала историю с замком.

– Ты и Мурлыня не пробовали пазл? – уточнил муж.

– Нет, нам стало его жалко, – улыбнулась я, – Нюша же слопала гнома, дракона и принцессу. Мурлыся ей сказала:

– Солнышко, остановись, стошнит.

– Никогда, – возразила Аня.

– Может случиться беда с печенью или желудком, – не утихала Муза Алексеевна.

– Вот ни секунды не верю, что от шоколада станет дурно, – облизнулась Нюша, – он как лекарство! Даже если конфеты обваливать... ну... э... э... в слабительном, никогда к унитазу не прилипнешь. Шоколад спасет!

Не вняла Аня совету Мурлыни. Но когда я уехала домой, она выглядела бодрой, здоровой, ни малейшего намека на ухудшение самочувствия не было.

– Аня утром никак не могла проснуться, – вздохнул Витя, – я еле-еле разбудил ее и понял – дело плохо. Мычит что-то невнятное, на ногах не стоит, вся сине-зеленая. Сгреб жену в охапку – и в клинику. Сейчас она на капельницах. Обыч-

но утром она вместе со мной вскакивает, бегаем с ней, на участке дорожки проложены, потом плаваем. Но сегодня все наперекосяк пошло. Врачи суетятся, да никакого толку нет, я психанул, звякнул...

Виктора прервал звонок, Вульф схватил трубку.

– Да! Ты уверен? Хорошо. Как? Можешь написать? Никогда названия не запомню. Кто? Даже не слышал о нем. Хорошо. Спасибо, Моня.

Глава пятая

Макс положил мобильный на стол.

– Моисей Зильберкранц звонил.

Мне стало тревожно. Знаю профессора, он специалист по ядам. Моисей Абрамович из семьи врачей, его отец, Абрам Моисеевич, дед и прадед – лекари. У мамы, Софьи Соломоновны, та же история. У Моисея при таком раскладе не было шансов стать, например, поэтом. Нет, если он захочет, то может писать стихи, но только в свободное от приема пациентов время. Понятное дело, младший Зильберкранц поступил в медвуз, а после его окончания, поработав немного дерматологом, ушел в гомеопатию, стал одним из лучших специалистов в этой области. Моисей честный человек, если его просят заняться больным раком, он всегда отвечает:

– Ежели травник обещает вам стопроцентное избавление от опухоли, требует отказаться от посещений онколога, так как аллопатия несовместима с лекарственными растениями, то бегите от этого типа как можно дальше. Я могу облегчить прохождение химиотерапии, наладить работу желудочно-кишечного тракта, снять депрессивное состояние, которое возникает на фоне гормонотерапии, взбодрить или, наоборот, уменьшить аппетит. Но! Рак успешно лечат только онкологи, для вашего выздоровления нужна операция, лучевая, химио- и, возможно, гормонотерапия. А я в данном слу-

чае лишь скромный помощник других специалистов. Работая вместе, мы достигнем успеха. Только так, никак иначе.

Но со временем Моисей потерял интерес к гомеопатии. Сейчас главное направление в его работе – яды. Стрихнин, мышьяк, разные цианиды ему неинтересны. Зильберкранц увлечен животными, птицами, растениями, которые ради защиты собственной жизни используют отравление противника.

У Моисея большая лаборатория, он успешно применяет разные яды во врачебной практике. У Мони слава одного из лучших специалистов в этой области, он выступает на международных конгрессах, пишет книги. Не так давно я привела к нему свою приятельницу, которая мучилась от боли в плечевом суставе. Моня посоветовал ей сбросить лишние килограммы, составил диету, велел не употреблять ничего, где содержатся дрожжи, а потом... Зильберкранц достал из аквариума насекомое, отдаленно похожее на кузнечика, и посадил Тане на больное место. Непонятно кто, недолго думая, цапнул ее. Татьяна ойкнула, Моня вернул насекомое на место и похвалил:

– Молодец, не подвел.

– Кто это? – скривилась Таня.

– Не важно, – отмахнулся Зильберкранц, – через час место укуса заболит, покраснеет, опухнет. Просто потерпи сутки. Все пройдет, сустав более тебя не побеспокоит.

И все получилось именно так, как предсказывал Моисей.

– Что Моисей Абрамович сказал? – поинтересовался Витя.

– Он утром взял всякие анализы, сейчас получил результат. У Ньюши отравление ядом улитки, – сообщил Макс.

– Улитки? – повторила я. – Люди их едят, и никто из гурманов плохо себя не чувствует.

– Странно, – согласился муж, – и, на мой взгляд, улитки совершенно безобидны. Но Моня не ошибается, он нашама-нил какое-то лекарство, поехал в клинику к Ане.

– Может, встречаются ядовитые слизи? – предположил Славин. – Я вообще в этих тварях не разбираюсь. Слышал только про ядовитых насекомых. От укуса осы или пчелы можно умереть.

– Улитка не насекомое, – возразила я.

– А кто? – хмыкнул Макс.

Вопрос поставил меня в тупик, я не знала, что ответить.

– Если существуют опасные улитки, то где Аня могла с ними встретиться? – недоумевал Витя.

– На опушке леса, например, – подсказала я, – вы живете в области.

– В ближайшем Подмосковье, – уточнил Виктор, – в поселке, не в глухом бору. Медведи у нас не водятся.

– Комары, осы и все прочее летает? – прищурилась я. – Мыши, ежи, белки, птицы есть?

– И что? – удивился Витя. – Лес за воротами, но он окультуренный.

– Оттуда улитка и могла приползти, – заявила я, – надо обыскать участок.

Вульф взял телефон и постучал пальцем по экрану.

– Моня, – произнес Макс, – это я. Да, он здесь. Вопрос. Улитка эта, она... Как? Уверен! Нет, нет, не ставлю под сомнение твои знания, просто удивился. Может удрать? Ну, например, если ее дома держат. У тебя тоже всякая фигня есть. Можно к тебе Лампа приедет?

Муж отложил трубку.

– Моисей уверен, что Ньюшу укусила мраморная улитка Конус. Они в Москве и в окрестностях не водятся. Обитают в тропических акваториях, любят теплые моря. Большинство видов населяет Индийский, Тихий океаны, Японское, Карибское и Красное моря. Что-то не нравится мне эта история. Съезди к Моисею, поговори с ним. Он сейчас в клинике у Ани, я позвоню ему, попрошу, чтобы подождал тебя.

Я посмотрела на Витю.

– Давай вместе?

– Да, конечно, – согласился Славин. – Макс, ты думаешь...

– Пока ничего не знаю, – перебил друга Вульф, – нет информации.

– Есть люди, которые были бы очень рады мне напако-
стит, – неожиданно сказал Виктор. – Когда Зильберкранц
сказал о яде, я подумал...

– Понятно, – остановил друга Макс, – если отравить те-

бя, это, конечно, приятно. Да коротка месть. А ежели убрать твою жену, тогда тебе надолго горя хватит. Ты рассказывал журналистам, что любишь Аню?

– Нет, – отрезал Витя, – всего один раз в интервью упомянул ее имя. Ведущий спросил: «Большой бизнес требует большого внимания. Вы семейный человек. Как ваша жена реагирует на то, что у вас нет свободного времени?» Я ответил: «Почему вы решили, что мы мало общаемся? Мы с Аней не первый год вместе, она мой лучший друг, я всегда советуюсь с супругой по разным вопросам. Анна не капризна, она не из тех дамочек, которые ноют, стонут, выпрашивают подарки. Мы живем в одном доме, находимся в постоянном контакте, отдыхаем вместе».

Но ведущий не отстал: «Вы любите жену?» Пришлось ему объяснить: «Понятие любви у каждого свое. Вероятно, я вкладываю в это слово другой смысл, нежели вы. На мой взгляд, лучше спросить иначе: «Хотите ли вы справить столетний юбилей вместе с Аней?» Тогда я отвечу: «Да».

– Ты все время говорил: «ведущий», – заметила я. – Интервью шло в какой-то программе?

– Верно, – подтвердил Виктор, – телеканал пригласил меня в программу «Разговор вдвоем».

Я кашлянула.

– Это одна из самых рейтинговых передач, ее смотрит масса зрителей. Среди них могли находиться и те, кто к тебе неприязненно относится. Не знают тебя, но терпеть не мо-

гут, потому что ты богат.

– Как в воду глядела, – нахмурился Виктор. – У меня нет аккаунтов в соцсетях, есть страницы у нашего холдинга, но их ведут специально обученные люди. Никогда туда не захожу, с народом крайне редко общаюсь. У меня нет статуса звезды, толпы фанатов. Не страдаю я и маниакальной зависимостью от компьютера, не строчу тексты по каждому поводу. Это мне неинтересно, не нужно. Но когда телеканал выложил у себя на сайте запись программы, в которой я участвовал, из праздного любопытства я решил посмотреть, что там за отклики.

– Ну, это ты зря, – хмыкнул Макс.

– Да уж, – усмехнулся приятель, – дерьмо хлестало через край. Герой эфира и вор, и мерзавец, и врун, и разделся дорого, и украл народные деньги. Очень удивила меня буйная фантазия людей. Нашлись якобы мои одноклассники, сокурсники, все они уверены: еще в молодости богач Славин являлся мерзавцем. О моей персоне высказались и бывшие жены, их оказалось семеро, и пара внебрачных брошенных детей. Один «сыночек» был старше меня по возрасту. Уж не знаю, зачем в эту кучу грязи полезла матушка Феодора. Она написала, что Славин честный человек, который ни у кого ничего не украл, прекрасный муж, милосердный благодетель. И вся шобла налетела на наивную настоятельницу, обозвала ее подлизой, душой, упрекнула, что она пишет обо мне хорошо, потому что ей заплатили.

– Кто-то из этой своры решил свести с тобой счеты, – предположила я, – и отравил Аню.

Макс встал.

– Нет. Интернет-хамы трусливы. Они, как гиены, нападают стаей. Один куснул, за ним второй, третий, и набежала толпа. Если сразу заблокировать мерзавца, то лая не будет. Чаще всего дерьмо льется с закрытых аккаунтов без фото владельцев. Они боятся показать свое лицо. Если такой правдоруб встретит Витю в жизни, он наговорит ему кучу сладких слов и попросит денег. Возможно, Аня и правда пострадала из-за мужа, но интернет-дерьмюки тут ни при чем. Те, кто всерьез решил убить человека, в его профилях не гадают.

– Интернет-дерьмюк, – рассмеялся Витя. – Макс, ты изобрел новое слово.

Глава шестая

– Ты уверен, что улитка Конус не водится в Москве и окрестностях? – уточнил Витя.

Моисей снял очки.

– Виктор, а ты уверен, что по столице не ходят бегемоты? Улитка Конус – ядовитый моллюск. Другое название «сигаретная». Она его получила потому, что после отравления многие живут столько времени, сколько курится сигарета: три-пять минут. Ее яд состоит из пяти типов токсинов, каждый из которых атакует свою цель. Среда обитания – теплые моря. Вам все ясно?

– Да, – пропищала я, – эта улитка в поселке у Вити жить не может. И она очень опасна. Но если яд действует быстро, то... э... то... э...

– Почему Аня до сих пор жива? – договорил за меня Виктор. – И где нашли эту отраву? Небось она в лавке не продается.

Моня постучал пальцем по подлокотнику кресла.

– Витя, разновидностей Конусов много, степень ядовитости у них разная. Отравляющее вещество, которое выпускают моллюски, используется для приготовления ряда обезболивающих лекарств, не вызывающих привыкания. Применяется токсин и в антивозрастных кремах для лица. Вероятно, в какой-то лаборатории произошла утечка. Яд уже обрабо-

тали, он потерял часть агрессивности. Я привез твоей жене сделанное мной лекарство. А я кое-что могу.

– Как отравка попала к Ане? – процедил Витя.

– Вопрос не по адресу, – отбил атаку Моня, – с этим к Вульффу, пожалуйста, у него сыскное агентство. Если ты подозреваешь, что Аню решил извести я, то сообщу: у меня ничего не пропадало, ведутся записи расходов улиточного яда. И два вопроса к тебе. Первый. Смысл моего покушения на жизнь Нюши? Какую выгоду я получу от ее смерти? Второй. За каким чертом, отравив ее, я прилетел по твоему звонку в клинику, определил токсин и ввел антидот?

Витя поморщился.

– Я не подозревал тебя.

– Ну, спасибо, – засмеялся Моня.

– Просто прикидывал, у кого могут быть эти улитки, – сказал Виктор.

– В наше время завести Конус может любой гражданин, – заверил Моисей. – Наверное, существует некое общество их любителей. Витя, сейчас главное иметь деньги, тебе за милые сердцу купюры что угодно достанут, домой привезут и с поклоном отдадут.

– Насчет твоего вопроса, уверен ли Витя, что по Москве не ходят бегемоты, могу сказать, что видела африканское животное на Тверской, – вступила я в разговор, – правда, тогда она именовалась улицей Горького.

– И когда же ты встретила там гиппопотама? – засмеялся

Моисей.

– Слона, – уточнила я. – Бегемот пока там не ходил, но еще не вечер. Возможно, лет через десять и он от Манежа до Пушкинской площади прогуляется.

– Лампа, – скривился Моня, – или у нас серьезный разговор, или мы тебя слушаем.

– Во времена моего детства по Тверской один раз прошли слоны, тигры, медведи, – продолжала я. – В Москву приехал иностранный цирк, и по заведенной у европейцев традиции он устроил на главной улице города парад. Да, носороги у нас не обитают во дворах, но они могут там оказаться в силу разных причин. Они огромны, держать их в московской квартире затруднительно, но...

– ...улитки маленькие, – перебил меня Витя.

– Я уже упомянул о собирателях, – напомнил Моисей, – мы начинаем повторяться. У вас много свободного времени? У меня его нет.

– Моня, что надо сделать, чтобы моллюск тебя цапнул? – поинтересовалась я.

– А зачем мне что-то делать, чтобы моллюск меня цапнул? – изумился Моисей. – У меня масса разных проблем, отравление не входит в мои планы.

Витя крикнул.

– Лампа хочет выяснить, в каком случае эта пакость нападает на человека?

– Конусы не пакость! – возмутился Зильберкранц. – Они

прекрасны. И не нападают на ловцов, а защищаются. О! Я тебя понял. Мог ли у кого-то удрать моллюск, а невнимательная Аня случайно наступила на бедолагу?

– Да, – кивнул Славин.

– Твой дом стоит на шести сотках? – осведомился Моисей.

– Скорей уж у Вити шесть гектаров, – хмыкнула я.

– В особняке есть аквариумы, где живут ядовитые особи? – не успокоился Моисей. – Аня слепая, и у нее паралич ног?

Витя опешил, а я сообразила: Зильберкранц сегодня в особенно боевом настроении, его почему-то все злит. Чтобы Моня не стал исходить паром, как кипящий чайник, я затараторила:

– Ближайшие соседи Славиных живут так далеко, что их не видно, из животных в особняке есть только кошки. Улитка не могла приползти в столовую, ей неоткуда взяться в доме.

– Ну почему, – перебил меня Моня, – вдруг Витя нанял горничную из Полинезии, а та с собой привезла Конусов.

Глаза Виктора сузились.

– При чем тут глаза и ноги Ани?

– У Конуса твердый панцирь, – снисходительно пояснил Моисей, – если наступить на него, образуются осколки, они больно ранят ступню. Только человек с параличом и слепой в придачу не заметит, что раздавил улитку. На полу непре-

менно останутся руины моллюска! Включите мозг! Не несите чушь! Яд продается. А все, что можно приобрести, способно испортиться или потерять остроту действия! Вероятно, некто приобрел отраву, но его обдурили, всучили некондицию, или покупатель неправильно хранил токсин. Поэтому Анна жива!

Витя встал.

– Спасибо, Моисей, ты очень помог. До свидания.

Славин покинул комнату. Я встала.

– Ты очень умный.

– Да. И что? – пожал плечами Зильберкранц.

– Но твои знания лежат в области токсикологии и гомеопатии, – произнесла я. – Сумеешь починить машину, если она заглохнет в пустыне? Нет!

– К чему эта бесцельная болтовня? – возмутился Зильберкранц.

– Витя любит свою жену, – продолжила я, – он успешный бизнесмен, но ничего не смыслит в улитках и ядах. Славин сейчас очень нервничает. Он твой знакомый, пришел к тебе за помощью. А ты стал надувать щеки, изображать из себя профессора.

Моисей засмеялся.

– Я и есть профессор.

– Ты действительно очень умный, но злой, – выпалила я и кинулась к двери.

– Эй, что я не так сделал? – бросил мне в спину ученый.

Я обернулась.

– Я уже объяснила, других слов нет.

– Вот и у меня других слов нет, – вспыхнул Моисей. –

Похоже, Лампа, у тебя проблемы, поэтому ты и привязалась ко мне.

Я пошла к двери.

– Эй! Совсем с ума сошла? – разозлился Зильберканц. –

Я Витьке помог, приехал к его жене в больницу, сижу тут, врачам все объясняю! Какие ко мне претензии?

Я молча вышла в коридор.

Глава седьмая

Не успела я припарковаться во дворе и выйти из машины, как ко мне бросилась Зоя.

– Ну как? Видела подъезд третьего дома?

– Прости, не успела туда заглянуть, – призналась я.

– Пошли, – скомандовала Яковлева, потом она обернулась. – Никита Павлович, Фаина Сергеевна, вы с нами.

Мужчина и женщина, которые сидели на скамеечке у детской площадки, встали и приблизились к нам.

– Перед вами Лампа, – представила меня Зоя, – она финансовый директор нашего фонда по реконструкции подъезда.

– Добрый вечер, – хором поздоровалась парочка.

– Очень приятно познакомиться, – пробормотала я, весьма удивленная тем, что распоряжаюсь деньгами какой-то организации.

– Никита Павлович и Фаина Сергеевна владельцы самого лучшего бюро по художественному ремонту помещений, – продолжала Яковлева, – создают за умеренную цену гениальные интерьеры. Третий дом рядом. Нам туда!

Зоя помчалась вперед, мы пошли следом.

Дом, в котором мы живем, состоит из нескольких малоэтажных корпусов. Они расположены на территории, огражденной забором. Корпус, где находятся наши с Вульфом

апартаменты, имеет четвертый номер, третий и впрямь стоит неподалеку. Все жильцы именуют корпуса домами. Комендант околотка в молодости заведовал клубом и до сих пор не может забыть те времена. Антон Алексеевич постоянно устраивает мероприятия, конкурсы: «Спортивная семья», «Парад собак», «Дефиле кошек», «Выборы самой красивой мамы», «Олимпиада бабушек», «Праздник начала учебного года».

Три-четыре раза в неделю в нашем дворе играет оркестр, бегают аниматоры, аплодируют зрители. Антон тщательно следит за тем, чтобы никто из жильцов не остался в стороне и, не дай бог, не обиделся, что ничего не выиграл. У Мокина все записано! Если в конкурсе «Самая лучшая мама» победила Ведерникова, то в соревновании «Заботливая мамочка» золотую медаль вручат Костюковой. А уже через пару дней диплом и страшно красивую пластмассовую вазу получит Ковригина, она станет «Мамулей первого подъезда». И так до тех пор, пока все женщины с детьми не получают призы. Лично у меня есть награда: «Мамочка – лучший маскарадный костюм». В семье нет малышей? Не беда! У вас небось имеются собаки, кошки, черепашка, хомячок? Тогда готовьтесь получить грамоту: «Красивейшие собачьи уши» или «Лучший хвост двора». Антон с честью выходит из сложных ситуаций. Вот, например, Тимофей, он компьютерщик, не имеет ни семьи, ни животных. За что его награждать? Наш комендант и тут был на высоте. Донельзя удив-

ленный парень обрел кружку и похвальный лист, где черным по белому было начертано: «Мозг пятого дома».

Летом комендант придумал соревнование – «Великолепный подъезд». Он прекрасно понимает: ремонт – дело долгое, затратное, поэтому конкурс продлится год. Лишь один третий дом уже отличился. У них все готово. А почему? Да потому что в нем живет студентка Маша, хорошо воспитанная девочка, отец которой владеет крупной строительной компанией, а у матери дизайнерское бюро. Родители часто приезжают к дочке, они увидели объявление о конкурсе и... Мама щелкнула пальцами – появился дизайн-проект. Папа хлопнул в ладоши – примчались бригады мастеров.

– Только гляньте. У них море, – заахала Зоя, которая успела добежать до подъезда и распахнуть дверь. – А внутри! Полный восторг!

Я вошла в парадное и обомлела. Пол был выложен плиткой, сначала голубой, потом появляются белые «барашки», а у лифта и лестницы покрытие цвета снега.

– Вроде как морская волна бежит, – поджала губы Фаина, – примитивно.

– Простым, не очень образованным людям нравится, – пожал плечами Никита, – не стоит их осуждать. Они не видели настоящего дизайнерского искусства. Вход в лифт оформлен, как грот. М-да.

– На стенах рыбы, морские звезды, – перечисляла Фаина, – давай посмотрим, что на потолке. Спорим, там небо,

солнце и парашют!

Я задрала голову. Точно.

– Перила оклеены ракушками, – с детским восторгом объявила Зоя.

– Нет, дорогая, это всего-то пластик, который их имитирует, – снисходительно заметила Фаина, – дешевенький материал. Но народ доволен. Главное, чтобы людям нравилось.

– И ступеньки не из морского песка, – уточнил Никита, – это плитка с рисунком. Давайте заглянем в подъемник.

Он открыл лифт.

– О-о-о!

– Е-е-е! – протянула Фаина.

– Каюта корабля пиратов! – воскликнула Яковлева. – Лампа, смотри! На стенах нарисованы штурвал, попугай и сундук с золотыми монетами.

– Нет, дорогая, перед вами обои, – пояснила Фаина, – копейечные. Их поклеить много времени и ума не требуется.

– Давайте поднимемся на самый верх, а потом спустимся пешком, – предложила Зоя.

– Зачем? – пожал плечами Никита, – мы поняли, что вам это нравится.

– У них отлично оформлены двери, – уперлась Яковлева, – вам непременно надо их увидеть.

– Ну, раз вы настаиваете, – вздохнула Фаина, – тогда конечно.

Мы доехали до последнего этажа и вышли. Я посмотрела

направо и попятилась.

– О-о-о! – протянула Фаина.

– Е-е-е, – пробормотал Никита.

– Здорово, да? – запрыгала Зоя.

Я молча смотрела на то место, где положено находиться двери в квартиру. Сейчас там красовалась натурально нарисованная огромная акула. Вернее, ее морда с разинутой пастью. Тело каракулы располагалось на стене, хвост спускался так далеко, что конца не видно.

– Художественно, – отметила Фаина.

– Да уж, – протянул Никита.

– Жильцы счастливы, – заявила Зоя и ткнула пальцем в косяк.

Послышался тихий звонок, между клыками океанского монстра появилась светлая полоса, потом возникла женщина в спортивном костюме.

– Здравсти, – заулыбалась она.

– Екатерина Ивановна, – защебетала Яковлева, – наши дизайнеры любят ваш подьездом.

– Шик и восторг! – восхитилась хозяйка. – Детям в кайф. Только я ключ достану, они кричат: «Акула, сожри нас!» Мы точно победим в состязании, потому что так, как у нас, никто не сделает.

– Дорогая, вы совершенно правы, – согласилась Фаина, – так, как у вас, мы никогда не сделаем. Правда, Никита?

– Конечно, – согласился тот.

– Спасибо, что показали, как здорово смотрится акула с открытой дверью, – поблагодарила Зоя хозяйку.

– Приходите, мне самой нравится дверь открывать, – пригласила женщина, – прямо как в монстре живешь.

Мы двинулись вниз по лестнице. Дверь каждого апартаментов была оформлена, как морское животное. Я увидела гигантского кальмара, кита, дельфина и разных рыб.

– Вот же красота у них, – горько вздохнула Зоя, когда мы снова очутились во дворе.

– Дорогая, ваш подъезд будет в сто крат интересней, – пообещала Фаина.

Глава восьмая

Едва я вошла в квартиру, Краузе начала рассказывать:

– Представляете, просто невероятно!

– Что случилось? – насторожилась я.

– Я закрутилась по хозяйству, – продолжала Роза Леопольдовна, – носилась туда-сюда. Не сразу после вашего ухода заглянула в зону кухни. И что я увидела на плите? Вы не поверите! Кого я нашла у конфорки?

– Таракана, – поморщилась я.

– Нет, конечно, – возмутилась няня, – у нас их нет.

– Муравья? – предположила я.

– Снова не угадали, – ответила Роза, – подсказываю: четыре лапы, хвост, морда, цвет черный и...

– Крыса! – подпрыгнула я. – Не боюсь грызунов, но у нас жили только домашние особи, а, так сказать, дикие – переносчики разных заболеваний. Фира и Муся могут заразиться.

– Вот их-то я и встретила на кухне! – воскликнула Краузе. – Просто обомлела!

Из глубины квартиры донесся свист.

– Сковарка, – всплеснула руками Роза и убежала.

Крысы, которые пролезли в жилище, не самые приятные гости. Правда, они не умеют разговаривать, поэтому грызуны предпочтительнее некоторых людей. Я вынула телефон и

набрала номер Яковлевой.

– Лампуша, слушаю, – отозвалась Зоя, – ты прямо экстрасенс, только я подумала, что надо...

– К нам пришли крысы, – остановила я поток болтовни главной по подъезду.

– Вау! Нужен понятой! – пришла в детский восторг Яковлева. – Бегу, бегу.

Я не успела ничего сказать, трубка замолчала, зато через пару минут запищал домофон, и в холл влетела Яковлева. В одной руке она держала паспорт, в другой пластиковое ведерко с майонезом.

– Где ихний главный? – сверкая глазами, осведомилась соседка.

Мне стало смешно.

– Хочешь показать крысе документ?

– Конечно, – перебила меня Яковлева, – свидетелей обыска оформляют по закону.

И тут до меня дошло, что происходит.

– Зоя, – остановила я соседку, – полиции здесь нет. И по какому бы поводу ей у нас появиться? Живем тихо-мирно.

Соседка прищурилась.

– Фаломеевы тоже казались пушистыми и белыми, а потом муж жену из окна выкинул, а она его в отместку молотком тюкнула, прямо в глаз попала, пришлось потом мужику капли покупать.

Я изумилась:

– Похоже, эта Фаломеева бессмертна. Если меня из окна выбросить, то потом я уже за инструмент схватиться не смогу. Да и супруг у дамы необычный. Среднестатистический мужчина, которому дали в глаз киянкой, за каплями не побежит. Зачем они человеку без глаза?

– Ты все неправильно поняла, – укорила меня Зоя, – отношения они выясняли на даче, Костя Лену из окошка гостинной швыркнул, а комната на первом этаже, внизу клумба. Елена плюхнулась на нее, встала, отряхнулась, помчалась в дом, по дороге схватила пластмассовую детскую колотушку, ее для внука купили, ну и хотела засандалить Константину в лоб, но чуток промахнулась, в глаз угодила. И музыка! И Моцарт! Ля-ля-ля!

Я окончательно потеряла нить разговора.

– Моцарт? А он там как оказался?

Зоя укоризненно взглянула на меня.

– Лампуша, ты же окончила консерваторию. Неужели не в курсе, что Иоганн Себастьян давно умер? Разве он мог притопать на дачу Фаломеевых? Молоточек такой, песни исполняет, ребенок им стучит! И музыка! И Моцарт! Ля-ля-ля.

– Вольфганг Амадей, – пробормотала я, – так звали гениального австрийца. На имя Иоганн Себастьян откликался немец Бах. К нам пришли обычные крысы, простые такие, с помойки, а не полиция.

– Это невозможно! – отрезала Зоя. – У нас дом обезгрызен!

Вымолвив последнее слово, Яковлева, размахивая ведром, понеслась по коридору. Я поспешила за ней.

– А ну, покажите крысу! – велела Зоя, врываясь в кухню.

– У нас их нет, – отбила атаку Краузе.

Яковлева посмотрела на меня.

– Слышала? Роза Леопольдовна очень честный человек.

– Верно, – согласилась Краузе, – привираю всего три-четыре раза в день, и то по необходимости.

– Где полицейские? – вкрадчиво спросила Зоя, ставя ведро на низенькую скамеечку. – Без понятых обыск не проводят.

Краузе всплеснула руками.

– Кого шмонают? Иратовых?

– Почему ты так решила? – изумилась Яковлева.

– Он работает в больнице санитаром, жена все время беременна, в семье то ли семь, то ли восемь детей, – начала вываливать свои соображения няня Кисы, – откуда у мужа деньги на новый джип? Да он все средства должен тратить на обувь для малышей!

– Я полагала, что полицейские у вас, – сказала Зоя.

– С какой стати? – возмутилась Роза.

Я попятилась к двери, благополучно оказалась в коридоре и пошла в спальню. Пусть Краузе и Яковлева ведут диалог, мне в столовой делать нечего.

И тут зазвонил мобильный, я вытащила телефон из кармана.

– Ты дома? – осведомился Макс. – У нас все в порядке?

– Сейчас в квартире находится Яковлева с ведром майонеза и паспортом, а в остальном все просто замечательно, – заверила я.

– Ведро майонеза и паспорт? – удивленно повторил муж. – Зачем она тебе это принесла?

– Ерунда, – хихикнула я, – потом объясню.

– Изделие, которым полакомилась Анна, было сделано из горького или молочного шоколада? – поинтересовался Вульф.

– Стены светлые, – протянула я, – крыша красная. Наверное, глазурь. Фигурки черные. Да какая разница, из чего сделан пазл?

– Я поговорил с Юрием Петровичем Деревянкиным, он гениальный токсиколог и не такой зануда, как Моня. Хотел услышать другое мнение и узнал: яд улитки от какао может потерять свои свойства. Если его подмешали в какао-порошок, то, во-первых, орудовал дилетант, а во-вторых, ему следовало использовать горький шоколад. Хорошо, что ты не угостилась и Мурлыня отказалась.

– Знаешь ведь, что я не люблю никаких конфет, кроме тех, что из Франции присылает мне в подарок Костя Ярин, – напомнила я, – после них остальные кажутся или очень сладкими, или пахнут противно. Костик категорически против ароматизаторов, эмульгаторов, он объяснил: истинный шоколад делается из какао-масла и тертого какао. Все! И над-

пись: «Пятьдесят процентов. Горький» – лукавство. Должно быть от семидесяти до девяноста процентов какао. Никакого сахара, сои, молока, ванили, ароматизаторов. Истинный шоколад исключительно горький, в нем минимум составляющих. Все остальное на прилавках – конфеты!

– У Костика невероятно строгие стандарты качества, – засмеялся Макс.

– Мне тут сейчас одна мысль в голову пришла, – продолжила я.

– Муж должен знать, о чем думает жена, выкладывай, – отозвался Вульф.

– Аня нам с Музой Алексеевной рассказала, что видела похожую сборную модель один раз в детстве. И ее тогда не угостили. Поэтому Славина и бросилась в лавке к пазлу. Тот был в единственном экземпляре, сделан под заказ. Но заказчик не пришел за ним. Поэтому лакомство досталось Ане. Не надо искать того, кто замыслил убить Ньюшу.

– Так, – протянул Макс. – А почему мы решили, что отравить хотели кого-то из семьи Вити?

– Не знаю. Я сразу рассказала вам, как обстояло дело, но лишь сейчас сообразила: яд улитки предназначался для кого-то другого. Ньюша случайная жертва. Твой Юрий Петрович объяснил, как яд попал в шоколад?

– Скорей всего, фигурки, которыми полакомилась Аня, имели прослойку, – пояснил Вульф, – нечто вроде помадки, варенья...

– Сиропчик! – подпрыгнула я.

– С этого места поподробнее, – велел муж.

Я стала восстанавливать события.

– Аня схватила фигурку, мы стали обсуждать: можно ли откусить шоколадному зайцу голову.

– Я до сих пор не способен на подобное действие, – хмыкнул Вульф.

– Аня слопала то ли гнома, то ли еще какого-то сказочного персонажа и стала нас дразнить: «Добрым никогда вкусное не достанется. Попробуйте, внутри сиропчик, типа жидкий шоколад, очень вкусный». Не уверена, что точно процитировала. Мы с Мурлыней отказались есть фигурки.

– И поэтому сейчас прекрасно себя чувствуете, а Нюша в реанимации, – вздохнул Макс. – Хорошо, что Аня любит горький шоколад. Юрий Петрович объяснил, что какао является антидотом к яду зубоскала.

– Кого? – не поняла я.

Глава девятая

– Зубоскала, – повторил Макс, – именно им отравлена Нюша.

– Моисей говорил про улитку Конус, – напомнила я.

– Помню, – пробормотал муж, – похоже, он ошибся.

– Зильберкранц неправильно определил яд? – поразилась я. – Это возможно?

– До сих пор я полагал, что нет, – вздохнул супруг, – но и швабра раз в жизни стреляет. Юрий стал оправдывать Моно, говорил: «Яд зубоскала уникален. О нем знают немногие целители.

– Кто такой зубоскал? – остановила я мужа.

– Макс, машина пришла, – раздался издалека голос Костина.

– Вернусь домой, объясню, – пообещал Вульф. – Мы предупредили Мурлысю, чтобы она ни в коем случае не ела шоколад.

– Макс, – опять позвал Володя.

– Иду! – крикнул муж. – Лампуша, сделай одолжение, звякни матери Вити, попроси ее впустить нашего эксперта. Миша заберет коробку с пазлом.

– Миша? – снова удивилась я. – У нас новый сотрудник?

– Макс! – донеслось до моего слуха.

– Приеду домой, объясню, – повторил супруг и отсоеди-

нился.

Я посмотрела на телефон и начала искать в книжке номер Мурлыки. Не улитка, а зубоскал? Эксперт Миша? Сегодня день сюрпризов.

– Лампулечка, здравствуй, – непривычно тихо сказала Муза. – Как дела?

– Настроение ниже плинтуса, – призналась я.

– Сейчас подниму его, – пообещала мать Вити. – Ньюша очнулась, память в порядке, хотела встать, но врач велел ей лежать. Аппетита пока нет, но он вернется.

– Отличная новость, – заликовала я. – Мурлысенька, к вам скоро приедет наш эксперт Михаил. Отдайте ему шоколадный пазл.

– Ой, не могу, – донеслось из трубки.

– Почему? – удивилась я.

– Выкинула коробку, – призналась Муза. – Витюша позволил, предупредил: «Не трогай шоколад, он отравлен». Лампуша, я в ужасе и шоке. Определенно хотели лишить жизни моего мальчика. Пока большой бизнес поднимешь, кучей врагов обзаведешься.

– Нет, нет, – затараторила я и рассказала, каким образом Ньюше досталась коробка.

– Боже! – ахнула мать Славина. – Никогда нельзя брать то, что другому приготовлено. Мало ли что! И как после этого ходить в магазин, если там отраву подливают?

– Думаете, в лавке яд добавили? – протянула я.

– А где еще? – воскликнула Муза Алексеевна. – Страх и мрак! Сначала убили несчастную улитку...

Я хотела уточнить, что применили отравляющее вещество, которое выделяет неизвестный мне зубоскал. Но потом подумала, что Мурлыня завалит меня вопросами: «Кто это такой, где живет?» А мне ответить нечего, сама не знаю, и я промолчала. Свекровь Нюши продолжала кипеть.

– Жаль, не могу поехать в торговую точку и разнести там все в клочки! Директору вклеить!

– Может, сотрудники магазина и не виноваты, – возразила я, – они пазл не делали, его изготовили на фабрике.

– Сначала я хотела с торговцами разобраться, потом завод посетить, – закричала Мурлыня, – они чуть Нюшу не убили! Мерзавцы! Подлецы! Подсыпали яд! Но Витя запретил мне из дома выходить, шофера нарочно отпустил. Без машины мне только по саду гулять остается.

Муза Алексеевна всхлипнула.

– Всю ночь не спала, в клинику постоянно звонила, спрашивала: «Очнулась?»

– Мурлынечка, – нежно сказала я, – Нюша случайная жертва. Мы разберемся. Узнать, кто заказывал шоколад, не трудно.

– Да? – удивилась Муза. – И как ты это сделаешь?

– Сейчас позвоню в магазин, – пообещала я, – узнаю часы их работы...

– Круглосуточно они работают, – перебила меня Муза

Алексеевна, — я уже выяснила. Собиралась же сама к ним примчаться.

Я подавила вздох.

— Мурлынечка, а что вы сказали тому, кто на вызов ответил?

Свекровь Ньюши кашлянула.

— Дословно не помню, я спросила: «Вы сегодня до какого времени посетителей обслуживаете?»

— Не ругались с ними? — уточнила я. — Не говорили, что они отравленным товаром торгуют?

— Лампуша, я никогда не была душой, — фыркнула Муза. — Зачем предупреждать мерзавцев о цели визита? Пока доберусь до них, гаденыши между собой договорятся. Могут вызывать адвоката или...

Муза кашлянула.

— Деточка, бизнес... он такой... ну... есть покровители... защищают предпринимателей, которые им платят... Ты, конечно, о таком не слышала... но, понимаешь...

Я молча слушала, как Мурлыся пытается объяснить, что такое «крыша» и что владелец лавки может вызвать «хороших, но очень нервных мальчиков, они могут совершить неправильные поступки».

— Лучше всего мерзавцам конфетникам на голову неожиданно свалиться, — излагала свой план Муза Алексеевна. — Войти интеллигентно, про шоколадки их мерзотные пораспрашивать, подождать, пока морды гадючьи расслабятся,

решат: приехала в нашу торговую точку бабка-незабудка, глупое создание. И как только они начнут мне по-идиотски улыбаться, заявят: «Бабулечка, вы не торопитесь, выбирайте, мы скидочку сделаем...» Вот именно в этот момент надо рогулю из пальцев сделать и заорать: «Панды конченные! Вы какого... мою доченьку отравили, суки рваные, век вам воли не видать, перо в бок, табуретку в задницу! Кто на базаре главный? Пусть сюда пилит, ...недоделанный! Ответ держать перед моими пацанами будет! Чего глазья повыкатили? Не одна я приехала, с ребятами, ща свистну, всю вашу погань в дерьмо разнесут».

Я икнула.

– Мурлыся! От кого вы такое слышали?

– От Олежека, секретаря Витюши, – призналась Муза Алексеевна. – Парамонов чудесный мальчик, воспитанный. Папа у него профессор, мама переводчица с арабского. Олежек престижный институт окончил, симпатичный, прямо красавец. Даже шрам на шее его не портит, это он в лесу на ветку напоролся, давно, в девяностых.

– А-а-а, – протянула я, – тогда многие хорошо воспитанные мальчики любили в Подмосковье грибы собирать и травы себе ветками наносили.

– Олежек замечательный, но гневливый, – продолжала Мурлыся. – Не подумай, упаси боже, что он когда-либо в мой адрес огрызнулся. Но секретарь курит, отвратительная привычка. Он с сигаретой выходит в сад и часто беседует по ра-

бочим делам. Голос у него тихий, да у меня слух кошачий, память медвежья. Если кто Олежека разозлил, он всегда вот так говорит. Я его слова много раз слышала, запомнила. Сейчас только про доченьку фразу вставила. По-моему, очень убедительно получилось. Продиктовать тебе? Вместо меня в лавке озвучишь.

– Спасибо, Мурлысенька, я уже записала, – соврала я.

– Непременно позвони, когда беседу с ними завершишь, – попросила Муза.

Я пообещала сообщить о результате разговора и отсоединилась. Да уж, речь знатная, Мурлыся отлично воспроизвела текст. Вот только с пандами ошибка вышла. Интеллигентный, но нервный сын профессора Олежек, который в приснопамятных девяностых поранился, собирая в лесу грибы, скорее всего, не упоминал бамбуковых медведей. Думаю, он произнес «падлы». Надо сказать Вите, что у Олежека громкий голос, курит он неподалеку от окон спальни хозяйки. А у Мурлыки острый слух, он ее лишь с одним словом подвел.

Глава десятая

Я вышла на кухню, хотела предупредить Розу Леопольдовну, что вернусь к ужину, но застыла на месте. Краузе и Зоя были увлечены странным занятием. Посередине кухни стояла мопсиха Фира. От родителей ей досталась необычайно густая шерсть, прямо медвежья, и роскошный, три раза завитый хвост. Но сейчас последний уныло свисал до пола. Задние лапы собаки держала Зоя. Голова Фиры скрывалась в белой кастрюле, за нее держалась Роза Леопольдовна. Обе женщины не заметили моего появления.

– Давай еще раз, – предложила Краузе.

– Начали, – кивнула Зоя. – Раз, два...

– Три! – выкрикнула няня.

И в ту же секунду дамы дернули Фиру, каждая к себе.

– Эй! Немедленно прекратите, – возмутилась я. – Чем вы занимаетесь?

Краузе отпустила белую кастрюлю, я увидела, что у нее нет дна, мордочка мопсихи торчит наружу. Зоя разжала пальцы. Фируша подбежала ко мне и начала радостно вилять хвостом.

– Ведро из-под майонеза! Почему оно у собаки на голове? – воскликнула я.

– Да, – подтвердила Яковлева, – Фира все из него съела.

Я схватилась за сердце.

– Какой вес содержимого ведра?

– Килограмм, – ответила Зоя. – Со всех сторон только и слышно: провансаль вреден! Ага! Давайте представим, каким воздухом мы дышим, что едим? Курятину с антибиотиками? Сосиски из промокашки? Да скоро из использованных памперсов начнут торты делать. Соус вкусный, полезный, мы его дома обожаем, канистрами покупаем, постоянно едим и ничем не боеем.

– Надо снять с бедняги руины ведра и мчаться в ветеринарную клинику, – решила я.

– Зачем? – заморгала Зоя.

– Собака не может есть гадость, она не человек, – ответила я. – Такое количество жирной пищи может убить Фирушу, надо сделать промывание желудка.

– Нет, там не было майонеза, – отмахнулась Яковлева.

Я взяла Фиру на руки и села на стул.

– Да? Зоя, зачем ты принесла к нам ведро из-под своей обожаемой приправы ко всему? Да еще сообщила, что мопсиха слопала его содержимое!

– Лампа, ты же знаешь, кем я работаю... – начала соседка.

– Нет, – перебила я, – извини, понятия не имею, где ты служишь.

– Ты видишь перед собой косметичку, – гордо ответила старшая по подъезду.

Мне хотелось задать вопрос: «Зоя, ты сумочка, в которой женщины держат пудру, помаду, тушь и прочие средства для

придания красоты своему личику?» Скорей всего, Яковлева косметолог, специалист, который сделает вам массаж лица, наложит маску, подкорректирует брови, покрасит ресницы. Косметолог не врач, он не имеет права делать инъекции и работать с аппаратами. К сожалению, есть салоны, где вместо врачей служат женщины со средним медицинским образованием, а то и вообще без оногo. И порой жадные владельцы из экономии приобретают для работы с клиентами просроченные ампулы неизвестного производства. Прежде чем ложиться на кушетку, проверьте, есть ли у салона лицензия на оказание медицинских услуг, попросите врача предъявить документ о профильном образовании, внимательно изучите информацию на коробке, из которой достают препарат. Проверьте срок годности, прочитайте сами, кто его произвел. Вам подобное кажется неудобным? Бойтесь выглядеть занудой? Не хотите оскорбить симпатичную блондинку с распущенными по плечам волосами и когтями-ногтями небывалой длины? Если в ваши планы не входит увидеть на следующий день после похода к «косметичке» (которая сообщила, что она лучший врач США и Европы) свое перекошенное личико, если не желаете, чтобы потом настоящий хирург удалял из ваших губ комки геля, лучше проявите бдительность. И учтите: доктор никогда не работает без перчаток, маски и шапочки, под которой спрятаны его волосы. А роскошные ногти-когти у медика недопустимы, они рассадник инфекции.

– Я самая лучшая косметичка Москвы, – продолжала Зоя. – Наш крутой салон находится в подвальном помещении на улице Мойкина, прямо у метро, первый дом от входа в подземку. Ко мне запись на год вперед! Я умею все!

– Замечательно, – остановила я Зою, – а теперь объясни, с какой целью ты надела на голову Фируши ведро из-под майонеза, у которого отрезали дно?

– Она сама его натянула, – возмутилась «косметичка».

– Собачка подошла к ведру, лапой вышибла доньшко, а потом решила соорудить себе шляпку, но что-то пошло не так? – поинтересовалась я.

– Давайте объясню, – примкнула к разговору Краузе и заговорила.

Глава одиннадцатая

Через пару минут мне стало понятно, что произошло.

Зоя варит для своих постоянных клиентов мыло, делает кремы, маски, краску для бровей и ресниц. Наибольшей популярностью у дам, которые постоянно забегают в элитный подвал на всякие процедуры для приобретения небесной красоты, пользуется медовый крем для лица, тела, рук, ног, все в одной банке. Сегодня Зоя нашаманила для одной клиентки маленькую такую порцию чудо-крема и наполнила им ведро из-под майонеза. А дама не явилась за средством, которое, конечно же, разгладит морщины, сделает девичий овал личика, уберет грыжи под глазами, брыли, пигментные пятна, подарит густые брови-ресницы, превратит зубы в жемчужины, а волосы в лошадиный хвост.

Сначала Зоя расстроилась, она тратит немалые деньги на создание потрясающего омолаживающего средства, использует только экологически чистый мед из ближайшего супермаркета. А там совсем не дешевые продукты. Но потом ей пришла в голову идея всучить уникальное средство мне. Поэтому Яковлева заявила к нам домой. У Зои правильное воспитание, она никогда не позволит себе водрузить емкость из-под майонеза на обеденный стол. Она интеллигентно поместила тару на маленькую скамеечку, которую я, девушка невысокого роста, использую, когда хочу достать что-нибудь

с верхней полки шкафчиков.

Правила хорошего тона, в коих Зоя дока, предписывают сначала поговорить о всякой ерунде и лишь потом приступить к деловой части беседы.

Яковлева и Краузе разговорились, а я ушла в спальню. И тут настал звездный час мопсихи Фиры, отчаянной обжоры. Собака почуяла аромат меда, какао и прочих съедобных ингредиентов. Фируша приблизилась к источнику запаха. Мопсиха орудует передними лапами, как руками, а когти использует, как пальцы. Когда мы все уходим из дома, Фируша преспокойно открывает кладовку с припасами. Коим образом мопсиха, ростом с кота британской породы, ухитряется открыть крючок, который высоко приделан? Мы с Максом тоже никак не могли понять, как собака добирается до всего вкусного, а потом...

Потом муж установил в коридоре камеру. Придя домой, мы сели у ноутбука и увидели кино, которое запросто могло получить первый приз в номинации «нечеловеческого ума мопсиха – истребитель еды».

Сначала на экране появились мы. Я погладила Мусю и Фиру, ласково сказала:

– Девочки, не скучайте. Вернемся вечером, а Роза Леопольдовна появится часа через два, она пошла за продуктами, потом зайдет за Кисой в школу. Вам недолго одним сидеть.

Раздается хлопок двери. Муся поворачивается, уходит в

нашу спальню. Ясное дело, она сейчас уляжется на мою подушку и мирно захрапит. А вот Фира... Подождав, пока навивная сестра устроится на кровати, черная мопсика направи-лась в коридор, приблизилась к двери в чулан, разбежалась и боднула головой створку. Крючок подпрыгнул, но снова опу-стился в петельку. Фира повторила атаку. Результат тот же. Но упорству мопсика могут позавидовать олимпийские чем-пионы, она настроена на результат, не собирается сдаваться. Раз за разом Фируша колотилась в преграду, которая не дает ей добыть печенье-мармелад-зефир, потом изменила такти-ку. Она отошла в начало коридора, понеслась к двери, но, когда до нее остался один шаг, резко развернулась и упала на живот. Пол в этой части квартиры покрыт плиткой. Ко-гда мы делали ремонт, я совершила ошибку, купила очень скользкое покрытие, давно хочу его поменять, да руки не до-ходят. Собака едет на пузе к двери и врезается в нее попой, которая намного больше и массивнее ее головы. Бах! Крю-чок подпрыгивает на рекордную высоту и не возвращается в петельку, заваливается в противоположную сторону. Дверь приоткрывается. Фируня встает, улыбается во всю пасть и шмыгает в кладовку. Откуда вскоре доносится хруст пакетов и бодрое чавканье.

– Ты видела? – ошалело спросил Макс. – Она смеялась от радости!

Теперь понимаете, почему я не удивилась тому, что про-делала мопсика сегодня? По сравнению со вскрытием кла-

довки откупоривание ведерка, в котором ранее был майонез, а сейчас находится нечто, издающее соблазнительный аромат меда, какао и еще чего-то, детская проблемка. Фируня поддела когтем крышку, сбросила ее, засунула в ведро мордочку... И тут все пошло не так. Тара приклеилась к Фируше. Дно отвалилось, когда собачка, желая вздохнуть, начала что есть силы трясти головой и стучать ею о пол. И вот вам результат. Истребительница продуктов сейчас похожа на молодых женщин, которых любил рисовать фламандский художник Корнелис де Вос. Если помните, у многих из них на платьях высокие белые воротники.

– Немедленно отойди от собаки, – велела я Зое, – и быстро говори, что входит в состав «восхитительного кремика».

Яковлева скосила глаза влево.

– Так уж я рассказала: мед и какао.

Я схватила Фиру, отнесла ее в ванную, ополоснула теплой водой голову и шею собаки, промокнула полотенцем, поставила псинку на пол и сказала:

– Непременно освобожу тебя, только сбегаю за ножницами.

Через пару минут я попыталась разрезать ведро, но потерпела неудачу и закричала:

– Зоя!

Соседка мигом примчалась на зов.

– Я туточки.

– Из чего сделан крем? – повторила я вопрос и услышала

все тот же ответ:

– Мед и какао.

– Называй все ингредиенты, – потребовала я, – до единого.

– Больше там составляющих частей нет, – на голубом глазу соврала Яковлева.

– Если с Фирушей что-то случится, Макс подаст на тебя в суд, – пригрозила я, – и не сомневайся, он выиграет дело.

– Мед и какао, – захныкала Яковлева.

– Продукт пчеловодства липкий, – согласилась я, – но он чудесно растворяется в воде. Мне не хотелось освобождать мопсиху путем стаскивания ведра. Легче его разрезать. После обливания теплой водой мед должен был стечь с Фируши. Но этого не случилось. Более того, слой крема между ведром и шеей мопсихи стал твердым. Или ты называешь, что еще намешано в твоей косметике, или тебя арестуют.

– Интересно, за что? – не испугалась соседка. – Статьи, которая предусматривает наказание за доставку в дом крема, нет. Фира сама в ведро башку засунула.

Я растерялась, Зоя-то права. Но тут Роза Леопольдовна схватила за сердце и застонала.

– Мне плохо, у меня инфаркт. Про косметику в Уголовном кодексе, наверное, ничего нет. А вот за доведение человека до смерти определенно есть статья. Умираю!

Я тоже сообразила, что надо сказать.

– Женщиной, которая варит дома косметику без лицен-

зии, а потом тайком продает ее, заинтересуются Роспотребнадзор и налоговая инспекция.

Зоя прижала руки к груди.

– Я никогда никого не обманываю, а уж вас, моих самых любимых соседей, мне и подавно не придет в голову обдуривать. Лампа спросила: «Из чего состоит крем?» Клянусь своим валютным счетом, он из меда и какао. Но, чтобы кремик приобрел приятную текстуру, не стекал, в него, естественно, добавлен стабилизатор. Я использую только натуральные, экологически чистые продукты, лучшие, беру их у своих поставщиков.

– И что там еще намешано? – прошипела Краузе.

– Гипс, – призналась Зоя.

– Гипс! – повторила я. – Вот почему «крем» окаменел. И как теперь освободить беднягу?

– Если подержать башку в воде с полчасика, масса размокнет! – предложила Роза Леопольдовна.

– Шикарная идея, – кивнула я, – жаль, Фируша не красноухая черепаха, не сможет дышать, если ее голову полностью опустить в воду.

– Мой кремик никогда не изменится даже на глубине в километр, – заявила Яковлева, – потому что в нем еще находится закрепитель.

– Улучшителя вкуса там нет? – разозлилась няня.

Зоя восприняла ее вопрос всерьез.

– Что ты! Разве крем едят! – захихикала она.

– Закрепитесь, – протянула я. – Какой?

– Клей ПВА, – сообщила Яковлева.

Я попятилась.

– Клей? ПВА?

– Экологически чистый, из натуральных компонентов, – запела ту же песню соседка.

Я сцепила зубы. Молчи, Лампа.

– Нам надо освободить Фиру, – дрожащим голосом воскликнула Краузе, – но гипс от ПВА стал намного крепче. Придется пилить.

– Ведро сидит на голове и на шее, – напомнила я, – одно неверное движение пилы...

– Ой, ой, – запричитала Яковлева, – вот же глупая собака! Угораздило ее обжорничать. От таких животных одни неприятности!

Похоже, на моем лице появилось совсем неласковое выражение, потому что Яковлева всплеснула руками и со словами «Совсем забыла! На плите суп кипит» бросилась в коридор.

Через секунду раздался стук двери. Мы с Краузе остались вдвоем и уставились друг на друга.

– Пилу применять нельзя, – отрезала няня.

– Нельзя, – эхом отозвалась я.

– Топор тоже не подойдет, – продолжала Краузе, – и долото с молотком не наш вариант. Но!

Роза Леопольдовна вскочила и пошла к двери.

– Есть идея! Сейчас вернусь.

Я прижала к себе Фиру.

– Мы тебя непременно спасем. Даже не сомневайся!

– Вот! – радостно возвестила няня, появляясь в столовой. – Смотрите! Пилка и кусачки для ногтей.

Я подпрыгнула.

– Начнем с ведра, потом распилим гипс. Сейчас сбегая за своим маникюрным наборчиком.

С старой из-под майонеза мы справились легко. А вот «воротник» пилили долго и упорно. Хорошо хоть от него стали отваливаться куски. Но даже самой нудной и глупой работе когда-нибудь приходит конец.

– Ура, – заливовала Краузе, – у нас получилось.

– Да, – согласилась я.

– Но гадость по-прежнему на Фируше, – приуныла Роза Леопольдовна, – просто в ней получился распил. Почему гипс не свалился?

– Он прилип к шерсти, – предположила я.

– И что дальше? – растерялась Краузе.

– Отпустим собаку, – решила я, – пусть побегает, разомнет лапы, попьет воды, отдохнет, и опять за дело!

– Нам придется спиливать все украшение? – испугалась Роза Леопольдовна. – Думала, сделаем одну бороздку и оно упадет.

Я не успела ответить, из холла раздался голос Вульфа.

– Дома есть кто живой? Где Киса!

Краузе изменилась в лице.

– Господи! Девочка в художественной школе! Ее забрать надо! Который час? Фу! Успею.

Няня поспешила к двери, туда же, услышав голос любимого хозяина, направилась и Фира. Второпях Роза Леопольдовна споткнулась о мопсиху, взмахнула руками и упала прямо на собаку.

Я кинулась к потерпевшей бедствие няне и задала гениальный вопрос:

– Вы живы?

Интересно, кто-нибудь когда-либо говорил в ответ: «Нет, я уже умер»?

– Вроде да, – прокрихтела Краузе и стала подниматься.

Фира, почуяв свободу, с несвойственной ей скоростью улетела в холл.

– Елки, что с тобой? – спросил Макс.

– Это просто гипс, – крикнула Роза Леопольдовна.

– С клеем ПВА, – добавила я, – сейчас все объясню.

Мы с Краузе направились к входной двери, почему-то у нас под ногами что-то хрустело.

– Мне надо в школу за Кисой, – засуетилась няня, наклонилась, чтобы взять туфли, и замерла.

– Вам плохо? – насторожилась я.

– Фира! – коротко сказала Краузе.

Я перевела взор на мопсиху, которая сидела у подставки для обуви, и удивилась. А где воротник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.